

На правах рукописи

Гурарий Евгений Михайлович

**КОНЦЕПТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ
КОНСТРУИРОВАНИЯ**

23.00.01 – Теория и философия политики,
история и методология политической науки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой
степени кандидата политических наук

Москва – 2016

Работа выполнена на кафедре философии и политологии Уральского института управления – филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Скоробогачкий Вячеслав Васильевич

Официальные оппоненты: **Пушкарева Галина Викторовна**,
доктор политических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», профессор кафедры политического анализа факультета государственного управления

Матвеев Роальд Федорович,
доктор политических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

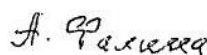
Ведущая организация: ФГБУН «Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук»

Защита диссертации состоится 24 мая 2016 г. в «_14:00_» на заседании Диссертационного совета Д 504.001.12, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» по адресу: 119606, Москва, проспект Вернадского, дом 82, учебный корпус № 6, ауд. № 2076.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Автореферат разослан « 23 » марта 2016 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат экономических наук, доцент

А.С. Фалина

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Сложные и противоречивые политические процессы, происходящие в современном мире, становятся предпосылкой появления в политической науке исследований, связанных с осмыслением новых аспектов реальности. Среди них можно отметить метаморфозу власти, которая заключается в смещении основания власти от силы и богатства к знанию; изменение характера и статуса идеологий; отчетливый перевес горизонтальных моделей социальной коммуникации над вертикальными; демассификацию социальных отношений и индивидов, рождающую феномен эмансипации человека, который можно назвать «восстанием индивидов», по аналогии с «восстанием масс» в первой половине XX века. Общим знаменателем перемен выступает новая роль знания, отмечаемая практически во всех сферах общественной жизни. Знание превращается в технологическое основание не только экономики, социальных отношений, культуры, политики, но и человеческой повседневности.

Принципиальное изменение роли знания проявляется также в том, что знание становится не только материалом для производства институтов, для социального конструирования реальности, но и его (конструирования) «кодом», или языком, обеспечивающим взаимопонимание акторов и возможность согласования их подходов к решению той или иной задачи. В этой ситуации не только расширяется круг участников выработки политических решений (консультанты, эксперты, ученые, журналисты, представители общественных организаций и движений), но и, тем самым, возрастает потенциал политики как действия, расширяются границы возможного в политике, в конечном счете, меняется образ политики. От полюса конфликта, питаемого столкновениями интересов разных политических сил и борьбой за власть между ними, политика все более смещается в противоположную сторону медиативных практик, поиска согласия по поводу основополагающих ценностей и целей. В этом смысле политика выступает инструментом не разделения, а интеграции, важнейшим средством самосохранения человеческого рода и осуществления доброй воли, вносит свой вклад в реализацию прав и свобод человека, в укрепление и развитие демократических основ государства как правового и социального института.

В условиях кардинального цивилизационного сдвига обретает особое значение функция политики в управлении процессом перемен, затрагивающих фундаментальные основы бытия общества и человека. Специфической проекцией политики на область управления социальными (в широком смысле слова) процессами является политическое пространство, понятие которого, равно как и способ реального существования требует серьезного переосмысления и обновления в свете указанных перемен. Проблема концептуализации пространства в политической науке рассматривается в работе в едином контексте: во-первых, в свете системной трансформации общества, в

которую Россия втянулась со второй половины 1980-х г.г., во вторых – в русле общемирового тренда, с учетом последствий глобального перехода индустриальных обществ на информационную ступень и появления обществ так называемой Третьей волны.

Выбор темы диссертационного исследования связан с необходимостью концептуализации современной формы политического пространства, выявления его теоретического содержания и методологического потенциала. Несмотря на то, что понятие политического пространства используется многими учеными и политиками, отсутствует общетеоретическая постановка проблемы политического пространства и его концептуализации в новом трансформационном периоде. Открытым остается вопрос о роли политического пространства в эффективном осуществлении политики как инструмента управления социальными процессами в условиях общественной трансформации.

Степень научной разработанности темы исследования. Категория пространства имеет большую традицию научных исследований. Общепринятые трактовки пространства колеблются между двумя моделями – образами пространства, сформированными И. Ньютоном и А. Эйнштейном. Первая модель исходит из представления об одноплоскостном (евклидовом) характере пространства. Трактовка пространства Эйнштейном нашла свое воплощение в теории относительности, постулирующей четырехмерный характер пространственно-временного континуума и его динамический характер. У Ньютона пространство, во-первых, существует независимо от времени и не изменяется в своих базовых характеристиках, во-вторых, оно стационарно. Пространство Ньютона – это, по сути, место для возможных изменений и динамики, «вместилище» для акторов и возможных изменений. У Эйнштейна пространство связано со временем – свойства пространства меняются в зависимости от движения и характера взаимодействия движущихся тел.

Под влиянием этих общенаучных моделей в общественном сознании в целом и в политической науке складывались два противоположных образа пространства – субстанциальный (стационарный) и реляционный. Пример стационарных представлений дает направление геополитики, берущее начало в т.н. географическом детерминизме (Ш. Монтескье) и представленное классическими работами Ф. Ратцеля, Э. Симпла, Л. И. Мечникова. Трактовка политического пространства представителями геополитического направления сводится к положению, что существование обществ и государств в природном (физическом) пространстве обуславливает как особенности их устройства, так и конкуренцию между ними. С точки зрения Ф. Ратцеля, территория государства с находящимися на ней природными и человеческими ресурсами образует жизненное пространство нации и определяющим образом влияет на внутреннюю и внешнюю политику государства. В настоящее время эти взгляды в работах А. С. Панарина, А. Г. Дугина, Р. А. Аронова, Г. Ю. Семигина получили новую редакцию, тяготеющую к евразийству. Потенциал геополитической трактовки политического пространства далеко не исчерпан. В

глобализованном мире на политической сцене появляются новые «игроки», оказывающие серьезное влияние как на международные отношения, так и на национальную политику и условия ее реализации, на роль государства в данном процессе. Это – транснациональные корпорации, межгосударственные объединения и организации и др. Эти тенденции формируют в научной среде запрос на обоснование российской идентичности в условиях глобализации, формирования многополярной конструкции международных отношений и меняющейся структуры политического пространства как вовне, так и внутри страны. Данные вопросы затрагиваются в ряде исследований последних лет (С. В. Голунов, Н. А. Косолапов, М. М. Лебедева, И. Л. Прохоренко, М. С. Стрежнева).

Понимание того, что индивиды существуют не просто в природном (физическом, географическом) пространстве, а в пространстве со специфической (нефизической) структурой и шкалой размерности было развито П. Сорокиным и Я. Морено, положившими начало реляционным представлениям пространства в социальных науках. В рамках реляционного подхода на первый план выдвигаются действия больших социальных групп, особое значение придается процессам взаимодействия и их субъективному содержанию. Взаимодействие социальных групп определяет конструкцию политического пространства, его динамичность и изменчивость. Эти положения были развиты П. Бурдьё, Б. Верленом, М. Фуко, В. Г. Виноградским, А. Б. Венгеровым, Ю. Л. Качановым. В их работах формируется топологический образ политического пространства, в рамках которого общество предстает как иерархизированная структура, а ключевым параметром ее функционирования становится накопление политического капитала. Его размер определяет степень приближенности или удаленности к властному центру. Накопление капитала меняет позицию актора в пространстве властных отношений и приводит к изменению конфигурации политического пространства, сужению либо расширению его границ (флюктуации).

Переход к информационному обществу, обуславливающий трансформацию общества и необходимость модернизации политической системы, приводит к переосмыслению условий политической деятельности и обновлению ее приоритетов. В обществе создаются условия не только для появления эмансипированных индивидов, отстаивающих свои цели и готовых реализовать свой потенциал в этих новых условиях, но и возможности для использования ресурсного потенциала новых индивидов в модернизации политической реальности. Это приводит к столкновению действий индивидов с жесткими структурами социума, препятствующими развитию в силу устаревших установок. Эти перемены порождают проблему концептуализации основных категорий политической науки, обновления их содержания и смысла в соответствии с изменениями в обществе, политической жизни, ценностях и поведении людей. Задачу «осовременивания» категорий политической науки поставил М. В. Ильин, указавший на связь этой процедуры с модернизацией политической системы российского общества. Одна из первых работ, посвя-

щенных вопросам концептуализации политического пространства, принадлежит Г. В. Пушкаревой, которая выделила в истории политической науки две формы концептуализации, в первой из которых основу составил физический образ пространства, а во второй – социологический.

Важным с теоретико-методологической точки зрения инструментом концептуализации пространства является метод конструирования. Впервые вопрос о конструировании пространства в «Критике чистого разума» поставил И. Кант. Этот подход к интерпретации пространства, впоследствии развитый в релятивистской концепции Эйнштейна и в рамках социокультурной динамики П. Сорокина, реализуется в настоящее время в исследованиях политического пространства.

Вопрос конструирования, поставленный еще в рамках топологической трактовки политического пространства через действия больших социальных групп, становится ключевым в новых условиях изменений и модернизации. Современная концептуализация политического пространства связана с пониманием особенностей его конструирования на институциональной основе.

Обоснование авторской концепции в работе потребовало анализа широкого круга источников. Были изучены научные труды, в которых с различных точек зрения раскрывается проблематика образов политического пространства. Это исследования Э. Гидденса, П. Шампаня, Н. А. Шматко. Материал для разработки проблемы институционального политического пространства в данном русле дают исследования причин и механизмов системной трансформации общества в процессе перехода от индустриального к постиндустриальному, информационному обществу (Х. Арндт, Т. Парсонс, З. А. Сокулер, О. Тоффлер, Ю. Хабермас, Т. И. Заславская). Современное понимание политического пространства связывается с многомерностью и интерсубъективностью. Об этом пишет Г. В. Пушкарева, отмечая возможность и значимость индивидуальной локализации акторов в современном политическом пространстве.

Большое внимание уделено в работе концептуальным трактовкам проблемы власти и ее ресурсов, форм осуществления власти в политическом пространстве. Работы, связанные с изучением проблемы власти, привлекаются автором к исследованию постольку, поскольку феномен власти в работе рассматривается как сила, вызывающая социальную и политическую динамику. Политическое пространство определяет форму власти, ее организацию и строение; оно придает ей политический характер осуществления. Политическое пространство определяет границы властного воздействия, концентрирует усилия власти на избранных направлениях. Данный вопрос подробно анализируется в работах М. Вебера, Р. Даля, Н. Лумана, Т. Болла, В. Г. Ледеяева, П. Блау, Дж. Хоманса, Р. Эмерсона, М. В. Ильина, Н. В. Иванчука, В. П. Пугачева, А. И. Соловьева, В. В. Скоробогачко.

Процесс осуществления власти в политическом пространстве неразрывно связан с вопросом о роли индивидов и их интеракций в политическом процессе. Различные аспекты данного вопроса рассматривались Н. Макиа-

велли, Т. Гоббсом, Дж. Локком, Ж-Ж. Руссо. Предметом детального изучения он стал в работах Л. М. Баткина, Г. Блумера, И. Гофмана, К. Дойча, М. Куна, Д. Мида, Г. Риккерта, О. Тоффлера.

Важную роль в диссертационной работе автор отводит проблеме конструирования политического пространства и последующей легитимации результатов конструирования. В отсутствие обобщающих научных трудов по проблеме конструирования политической реальности особое внимание было уделено институциональным и социальным основам конструирования. Анализ институциональной составляющей политического пространства получил широкое освещение в работах Т. Веблена, Дж. Бьюкенена, Д. Норта, Д. Олсена, Ф. А. фон Хайека, Л. И. Абалкина, А. А. Аузана, В. М. Полтеровича, В. Я. Гельмана, В. Л. Тамбовцева. Основы конструктивизма, привнесенного в политические исследования из социологии знания, раскрыты в работах Р. Мертона, К. Манхейма, П. Бергера, Т. Лукмана, В. В. Радаева, Л. В. Сморгунова.

Понимание процесса легитимации политического пространства и его институтов в большой степени зависит от осознания роли культуры в пространстве и месте символического в политике. Культура является фундаментальным основанием политического пространства – без культуры оно немыслимо. Это важное для целей исследования соотношение политики (политического пространства) и культуры рассматривается в работах Ю. М. Лотмана, А. Ф. Лосева, Э. Кассирера, Ж. Делеза, Ж. Бодрийяра. Для анализа роли коммуникативных факторов в процессе легитимации политического пространства и его институтов были привлечены работы М. Маклюэна, М. Кастельса, А. Ю. Мельвиля. Феномен символизации как процесса, легитимирующего политическое пространство, рассматривается на основе исследований Г. Тарда, В. Тэрнера, Л. Мамфорда, А. Уайтхеда, С. Н. Пшизовой, Е. Г. Дьяковой, А. Д. Трахтенберг.

Проведение историко-типологического анализа политического пространства и выделение исторических типов развития общества потребовало изучения концепции масштабных общественных изменений (трансформаций), представленной в работах Д. Норта, Д. Уоллиса, Б. Вайнгаста, С. Московичи, Х. Ортеги-и-Гассета, Т. И. Заславской.

В обосновании авторской позиции по проблеме культурно-исторических условий и факторов формирования политического пространства в России и специфики российского пространства политики и власти мы опирались на работы отечественных и зарубежных авторов, рассматривающих различные аспекты проблемы российской государственности, как исторические, так и современные (В. О. Ключевский, А. Е. Пресняков, Р. Пайпс, А. Пшеворский, А. С. Ахиезер, Г. В. Голосов, М. В. Ильин, И. М. Клямкин, С. Кордонский, С. П. Перегудов, Ю. С. Пивоваров, О. Ф. Шабров).

Некоторые аспекты проблемы конструирования политического пространства в переходные периоды, связанной с трансформацией политической системы, находили освещение в рамках различных научных дисциплин, но

разработка современной концепции политического пространства как самостоятельной функциональной системы только начинается. Кроме того, необходимо отметить, что доминирующие сегодня топологические представления политического пространства в условиях переживаемой Россией общественной трансформации уже не отвечают, с нашей точки зрения, ни характеру и задачам политического процесса, ни состоянию общественного сознания и культуры, ни уровню развития науки и должны быть подвергнуты критическому анализу и пересмотру.

Анализ степени разработанности темы исследования в литературе обусловил выдвижение **рабочей гипотезы исследования**. При этом мы исходили из того, что:

- существует потребность в концептуальной разработке проблемы политического пространства с учетом кардинальных перемен в общественной и политической жизни страны и появления новых теоретических и методологических подходов к этой проблеме;

- принципиально меняется роль политического пространства и политики в целом в период системной трансформации российского общества, связанной с обновлением его институциональных основ и задачей модернизации политической системы;

- сохраняет актуальность проблема легитимации институтов системы государственного управления.

В своем исследовании мы отталкивались от предположения, что сущностной чертой современной формы политического пространства является его нетопологический, функциональный характер. Это означает отказ от рассмотрения пространства как наперед заданной структуры мира политического и переход к трактовке политического пространства как динамической структуры, производной от социальных взаимодействий индивидов и меняющей свою конфигурацию и размерность в зависимости от характера этих взаимодействий. Реформы 1990-х годов, изменившие политическую, экономическую и социальную организацию общества, способствовали формированию нового потенциала общественного развития, носителем которого является достаточно большая по численности совокупность людей – так называемых эмансипированных индивидов, с большей или меньшей степенью успеха реализующих свои способности в политике, экономике, государственном и муниципальном управлении, культуре, социальной сфере. Автономность, осуществление прав и свобод, творческий подход, предприимчивость – конститутивные черты этого типа личности. Иные формы политического пространства, которые в полной мере сохраняются в современном российском обществе, способствуя воспроизводству социальной и политической стабильности и адаптации основной массы населения к пореформенной ситуации, по отношению к данному типу личности объективно выступают в виде барьеров, сковывающих творческую активность и, в том числе, направляющих их деятельность в негативное русло. На наш взгляд, это обстоятельство является одним из факторов, способствующих (1) разрастанию коррупции в

политике, государственном и муниципальном управлении, экономике, здравоохранении, образовании, правоохранительной и судебной системе, (2) откладыванию на неопределенный срок модернизации политической системы и (3) относительным неудачам в деле реформирования государственного управления, повышения его эффективности и преодоления складывающихся дисфункций. С другой стороны, сосуществование различных форм политического пространства и вызываемые этим противоречия зачастую могут являться стимулом и катализатором дальнейших изменений и развития нового образа политического пространства.

Поэтому необходима современная концептуализация политического пространства как условие и составная часть процесса конструирования его новой модели, которая бы создала адекватные условия для реализации нового потенциала развития общества, направила в позитивное русло процессы обновления в различных сферах жизни общества, в первую очередь, обеспечила успешную модернизацию его политической системы.

Объект исследования – трансформация политического пространства в контексте перехода от индустриального к информационному обществу

Предмет исследования – формирование нового концепта политического пространства в политической науке в условиях изменения социально-политических детерминант современности.

Цель исследования – разработать теоретико-методологические основы современной концепции политического пространства, раскрыть институциональную основу и особенности его конструирования на современном этапе.

Задачи исследования можно сформулировать следующим образом:

1) раскрыть причины, теоретический смысл и практическое назначение концептуализации политического пространства, выделить исторические формы его концептуализации;

2) определить специфическое содержание современной концептуализации политического пространства, раскрыть ее социально-политические предпосылки и теоретико-методологические основы;

3) выявить онтологические основания политического пространства, показать их роль в его становлении;

4) определить влияние моделей коммуникаций на процесс становления и функционирования политического пространства;

5) выявить динамическую основу конструирования политического пространства;

6) раскрыть роль символического в конструировании политического пространства.

Теоретические и методологические основы исследования имеют комплексный, междисциплинарный характер.

В качестве теоретических и методологических основ работы используются (1) научные подходы к определению сущности политики, границ возможного в политике, выявлению и обновлению смысла и содержания катего-

рий политической науки (Р. Арон, К. Шмитт, М. В. Ильин, А. И. Соловьев); (2) общенаучные модели пространства (И. Ньютон, А. Эйнштейн), а также концептуальные представления пространства, разработанные в политологии и социологии (П. Сорокин, П. Бурдьё, М. Фуко), позволяющие проанализировать категориальную сущность феномена пространства и определить направления исследования политического пространства; (3) системный подход к пониманию пространства и синергетическая теория, представляющая собой неклассически-детерминистическое описание процессов, происходящих в мире неравновесных систем (И. Пригожин, И. Стенгерс, В. Н. Садовский, И. В. Блауберг, Б. Г. Кузнецов, Б. Я. Пахомов, В. Н. Сагатовский, В. Н. Южаков); (4) теории социального конструирования реальности, символического интеракционизма, символического обмена (П. Бергер, Т. Лукман, Д. Мид, Г. Блумер, Э. Кассирер, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Л. Мамфорд, В. Тэрнер), раскрывающие базовую роль социальных взаимодействий (интеракций) индивидов в формировании семантического (когнитивного и символического) потенциала политического пространства и в задании исходных импульсов и направления его динамики; (5) принципы и методология институционального анализа (Т. Веблен, Д. Норт, А. А. Аузан), который позволяет расширить рамки представлений о политике и дает возможность синтезировать закономерности политического и экономического рынков, обеспечить многофакторное (системное) рассмотрение политического пространства; (6) разработанные на основе институционального анализа модели социальных порядков ограниченного и открытого доступов (Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгайт, Б. Барбер), которые раскрывают механизмы общественных трансформаций и могут использоваться для выделения и исследования исторических типов политического пространства и этапов исторической динамики власти; (7) концепции общественной трансформации в русле перехода от индустриального общества к информационному (М. Маклюэн, С. Московичи, О. Тоффлер, Т.И. Заславская), позволяющие расширить возможности детерминистского объяснения автономного поведения индивидов в поле действия факторов неопределенности различного уровня, раскрыть роль политического пространства в раздвигании границ социальной и личной свободы; (8) теории институциональных изменений, транзитологические концепции, теория общественного выбора, модели социально-политического развития (Дж. Бьюкенен, Д. Норт, В. Л. Тамбовцев, А. Н. Олейник, О. В. Гаман-Голутвина, О. Ф. Шабров, В. В. Радаев, В. Я. Гельман, В. М. Полтерович, В. В. Скоробогачкий, В. Меркель, А. Круассан), составляющие теоретико-методологические основы анализа формирования и функционирования институтов и организаций в структуре политического пространства.

Научная новизна исследования заключается в следующем.

1. Обоснована необходимость концептуализации современного политического пространства, вызванная кардинальным изменением социальных, культурных, экономических условий жизни общества и в соответствии с обновлением теоретико-методологических основ научного познания выделены

исторические формы концептуализации политического пространства – гео-политическая, топологическая («полевая») и институциональная.

2. Разработана новая (нетопологическая) версия концептуализации политического пространства в контексте системной дифференциации общества, переживающего процесс социальной трансформации и находящегося в ситуации неравновесной динамики и выбора в условиях резкого возрастания неопределенностей.

3. Дано определение политического пространства как функциональной системы открытого типа, которая обеспечивает динамику и расширение свободы (прав и свобод личности) и опосредствует обусловленные этим отношения распределения и перераспределения власти между акторами политики.

4. Доказано, что формирование современного политического пространства задано институционально регулируемыми интеракциями индивидов, соответственно, функциональное бытие политического пространства может быть представлено как конструирование.

5. Разработана матрица конструирования политического пространства, представленная динамической последовательностью элементов социального взаимодействия («знание – коммуникация – обмен»), которая обеспечивает циркуляцию опыта, накопленного предыдущими поколениями индивидов, и его интеграцию в новую институциональную структуру.

6. Обосновано, что ведущую роль в конструировании политического пространства играет символический ресурс.

На примере анализа государственной кампании по реализации приоритетных национальных проектов выявлены характеристики и направления символизации современной политики в России трансформационного периода.

Положения, выносимые на защиту:

1. Доказано, что концепт политического пространства выражает уровень социального, культурного, экономического развития общества, а также общенаучных представлений о пространственных формах и границах существования общества в природной и социальной среде. Кардинальное изменение социально-исторических и теоретико-методологических основ политического пространства вызывает изменение формы его концептуализации и необходимость новой трактовки политического пространства, которая содержит в себе «коды», детерминирующие сохранение базовых параметров функционирования общества как целого.

2. В работе показано, что новая концептуализация политического пространства возникает в качестве ответа на необходимость обеспечить управление новым потенциалом политического и экономического развития, вызывающим эффект эмансипации индивидов, автономизации их поведения в ситуации нарастающего потока неопределенностей, неравновесного характера политических изменений и социальной динамики общества в целом. Новый образ политического пространства складывается в контексте временного

распада социальных связей, вызванного частичной или широкой дезорганизацией социальных структур. Политическое пространство в его новой концептуализации определено как функциональная динамическая система открытого типа, обеспечивающая реорганизацию социального целого посредством институционального упорядочивания социальных взаимодействий (интеракций) индивидов.

3. В исследовании обоснован тезис о том, что онтологическими основаниями нового образа политического пространства являются индивиды и институты. Генезис политического пространства в его новой концептуализации опосредствуется свободой как субстанциональным свойством деятельности индивида. Свобода как выражение автономии индивида, его спонтанности, внутренней активности в осуществлении целей катализирует дифференциацию устоявшихся социальных связей и обуславливает возможность конструирования политического пространства самими индивидами. Автономные индивиды являются агентами политического пространства, которые осуществляют институциональные изменения, необходимые для реорганизации социального целого.

4. Разработана матрица конструирования политического пространства, которая отражает ценности, сформировавшиеся в обществе в ходе истории, обеспечивает культурно-историческую обусловленность институциональных изменений. Данную матрицу образует динамическая последовательность категорий «знание – коммуникация – обмен», которая обеспечивает циркуляцию опыта, накопленного предыдущими поколениями индивидов, и его интеграцию в новую институциональную структуру. Матрица конструирования политического пространства складывается в условиях горизонтальной модели коммуникативных отношений, для которой характерна первичность индивидов перед государством в осуществлении институциональных изменений. Данная матрица обуславливает «проблемность» политического пространства и политическую конкуренцию индивидов, получающих доступ к участию в политических обменах на различных уровнях.

5. Раскрыта роль символического ресурса как фактора, обуславливающего расширенное воспроизводство и реконструкцию нового образа политического пространства в соответствии с изменениями потенциала политики, границ возможного в политическом действии, характера социальных взаимодействий. Символический ресурс обеспечивает преемственную связь этапов в эволюции пространства, сохранение накопленного опыта и его интеграцию в новые формы в процессе его реконструкции (актуализации). Эффективное осуществление функций политического пространства предполагает признание, консолидацию и воспроизводство предшествующих и наличных институтов, согласование культурно-исторических тенденций (традиции) социальной динамики с актуальными ценностями и приоритетами акторов политики.

6. Выявлена характерная особенность конструирования политического пространства в современной России, заключающаяся в том, что в составе символического ресурса значимое место занимают политические симулякры.

В исследовании дается оценка одному из примеров современной российской политической симуляции – реализации приоритетных национальных проектов в 2005-2007 гг. Пример кампании по реализации национальных проектов является важным проявлением символической политики федеральной власти, реализуемой через создание симулякров нового уровня и направляющей социально-политические процессы в обществе в необходимом (на конкретном историческом этапе) русло.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования. Представленный в работе анализ политического пространства может быть использован в теоретическом исследовании ряда понятий политической науки: политика, власть, гражданское общество, государство. Отдельное направление возможного применения результатов диссертации – теоретико-познавательные проблемы моделирования политических процессов и концептуализации ключевых категорий политической науки. Материалы диссертации могут быть использованы также для подготовки учебных пособий по различным разделам политологии, политической социологии, теории государственного управления, политического менеджмента.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертационного исследования докладывались автором и обсуждались на международных и всероссийских конференциях, проводившихся в Уральской академии государственной службы, Уральском государственном университете, Санкт-петербургской академии государственной службы, Пермском государственном университете.

Структура и объем диссертации. В соответствии с поставленными задачами содержание работы образуют введение, две главы (шесть параграфов) и заключение. Прилагается список литературы из 223 наименований на русском и иностранных языках. Общий объем работы – 177 страниц.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее разработанности в литературе, формулируются объект, предмет, цель и задачи работы, ее теоретические и методологические основы, представляется научная новизна и практическая значимость исследования.

Первая глава работы «**Онтология политического пространства**» содержит анализ системных механизмов формирования и функционирования политического пространства, а также историко-типологическое исследование его динамики, роль индивидов и институтов как онтологических оснований политического пространства.

В первом параграфе главы 1 «**Концептуализация политического пространства**» рассматривается понятие политического пространства и его образы, соответствующие различным этапам культурно-исторического разви-

тия социума. Анализируются и обобщаются различные научные подходы к пониманию феномена пространства, на основании чего определяется специфика политического пространства, разграничиваются образы политического пространства.

Реализация интегративного назначения политики и способ его реализации находятся в зависимости от оснований политики, детерминирующих ее важнейшие ориентиры и формирующих тот или иной ее образ. В этой связи категория политики несет в себе два значения (в «широком» и «узком» смыслах). С одной стороны, это может быть программа, осуществляемая человеком или группой людей по отношению к какой-то одной проблеме или к совокупности проблем, стоящих перед сообществом, или политика-*policy*. С другой стороны, политика может быть представлена как отдельная область общественной жизни (*politics*), где противостоят различные политические направления. Анализ политики как особой формы реальности, выявление ее источников, а также определение границ возможного в политике, ставит на повестку дня проблему политического пространства, важным аспектом которой является разработка категориального статуса этого понятия. Решение данной задачи возможно посредством концептуализации понятия политического пространства.

В научной теории оформились две концептуальные модели пространства – «ньютоновская», возникшая в русле классической механики, и «эйнштейновская», связанная с теорией относительности. Ньютоновский образ пространства фиксирует движение вещей, но источники и причины этой динамики, ее «начала» остаются за пределами объяснительных возможностей данной модели, не проблематизируются. Эйнштейновский образ пространства строится на основе принципа относительности. Согласно этому принципу, пространство является не изначально заданной определенным образом онтологической структурой, а системной функцией взаимосвязанного и взаимообусловленного движения объектов и представляет собой динамичное, непрерывно меняющееся соотношение между ними. Оба образа пространства равнозначны и не находятся в противоречии друг к другу постольку, поскольку они применяются для решения различных по своему основанию задач. В ньютоновском понимании пространства речь идет о задачах, связанных с определением закономерностей процессов, которые происходят в рамках устойчивых, сохраняющихся систем. Что касается эйнштейновского пространства, то здесь речь уже идет о принципиальном качественном применении вещей и процессов, стимулирующем рождение нового «материала», который нарушает сложившийся порядок вещей и является стимулом к появлению новой совокупности регулирующих норм и правил

Первая форма концептуализации политического пространства – геополитическая. В ее рамках пространство рассматривается как имеющая границы территория (земля, страна), на которую распространяется государственный суверенитет. Таким образом, политическое пространство – атрибут государства, оно есть представление государства как территории с населе-

нием и разного рода природными ресурсами. Физический образ политического пространства характеризуется однородностью и основывается на доминировании устойчивости, порядка и равновесия. Физический образ пространства предполагает возможность управлять социальными процессами, регулируя отношения между индивидами и группами, прогнозировать результаты социальных процессов, подчиняющихся универсальным и относительно устойчивым законам развития. Поскольку в рамках такой модели пространства отношения и связи между людьми полностью упорядочены, иерархически ранжированы и закреплены, физический образ пространства оказывается внутренне однородным и недифференцированным.

В физической (геополитической) концептуализации политического пространства суверенитет становится синонимом абсолютной власти государства. Такой суверенитет – себя обосновывающая власть, сама устанавливающая институциональные границы политики-*politics*. Отсюда – «поверхностный» характер государственной политики-*policy*, которая направляется государственным интересом. Цели такой политики – укрепление государства, рост его силы и могущества. В рамках этой модели политика приводится в соответствие с задачами публичной власти и структурой государственного управления. Она является средством реализации государственного интереса и мобилизации населения, социальных групп вокруг этой генеральной установки. По сути, предельные возможности «социальной» составляющей в политическом пространстве физического типа ограничены тем, что государство в своей внешней активности опирается на суммарный потенциал общества как массы, по отношению к которой государство играет роль движущей силы, субстанциального начала.

В современном мире понятие политического пространства в силу роста «негосударственного» поля политики приобретает более глубокий и широкий смысл: оно рассматривается не просто как территория, на которую распространяется суверенитет государства и как граница для применения властного воздействия, но и как регулятор множественных отношений и взаимоотношений, складывающихся на данной ограниченной территории. По этой причине мы говорим о необходимости перехода к другому – не-ньютоновскому – образу пространства, в основе которого лежит реляционный подход. Второй (в историческом плане) формой концептуализации пространства в политической науке является топологическая модель - пространство-поле. Важный фактор, обусловленный реляционным видением пространства, связан с признанием его качественной дифференцированности и многомерности: наличие различных социальных групп, разнонаправленные взаимодействия социальных агентов различного уровня. Пространство социального вида, понятое категориально, выступает уже не в виде территории государства (природного пространства), а представляет собой «поле» - подвижную конструкцию, образованную совокупностью позиций, которые занимают субъекты, наполняющие его. Иными словами, трактовка общества как реальности, наполненной социальными практиками социальных групп,

предполагающей существование множества вариантов группировки индивидов по социальным признакам, в качестве общенаучной основы использует реляционный подход.

Основным носителем пространства социального вида является социальная группа, объединяющая в себе акторов с присущими им определенными позициями. Это происходит в силу резкого повышения социальной и политической активности больших масс людей, для которых понятия прав и свобод человека и идея равенства получили реальный смысл. Обновление политического дискурса сделало возможными артикуляцию интересов низших классов и их осуществление на практике. Резкое повышение «температуры» общественного тела, его внутренней динамики потребовало значительного совершенствования государственной организации и политической системы, в первую очередь – за счет видоизменения политики-*policy*.

Важным элементом топологического (социального) образа пространства является взаимодействие между социальными группами и внутри них, которое может осуществляться в разных направлениях: выстраивание сотрудничества, борьба, подчинение, создание коалиций и т.д. Главная идея любого такого взаимодействия – накопление социального капитала, который способствует социальной группе улучшить свою позицию в пространстве. Опираясь на топологические концепции пространства П. Бурдье и М. Фуко, мы можем сделать вывод о том, что пространство социального вида организовано иерархически, сверху вниз. Опорой вертикальной организации в данном случае выступает капитал, накапливаемый агентами. Социальные взаимодействия и политика используются здесь как средство накопления капитала, улучшения своей позиции в пространстве и, соответственно, достижения господства. Иными словами, топологическая концептуализация политического пространства предполагает односторонний характер взаимодействий – находящийся в этом поле агент склонен к монополизации отношений, он позиционирует и воспринимает себя самого как субъекта, для которого все остальные агенты пространства являются объектами.

Пространство-поле можно рассматривать как слабо дифференцированное целое. Все места в этом пространстве опосредованы специальной иерархией и классификацией. Любая «точка» в этом пространстве не просто место, но и определенный ранг, позиция, которая предполагает определенное поведение агента. Топологические теории Бурдье и Фуко показывают нам важность порядка расположения и взаимодействия субъектов в пространстве: этот параметр в наибольшей степени влияет на структуру пространства и его форму. Социальную основу этого образа составляет корпоративное начало, порождаемое конфликтным взаимодействием социальных групп. Это начало имеет динамичный, пульсирующий характер, обуславливая возникновение центров притяжения/сгущения в различных точках поля. В рамках пространства-поля политика-*policy* как борьба за распределение и перераспределение властных ресурсов тяготеет к олигархии как политическому режиму, когда ограниченное количество социальных групп, оперирующих собственными

интересами, определяет вектор функционирования и динамики политической системы.

Переход к постиндустриальному (информационному) обществу формирует необходимость новой концептуализации пространства, связанной с демассификацией человека и социальных отношений. Ослабление групповой идентичности, повышение степени неопределенности в детерминации социальных процессов, деидеологизация, децентрализация социальных и политических систем – все это создает условия, при которых в значительной степени расширяется область человеческой свободы, которая становится потенциалом развития личности, создавая условия для эмансипации индивидов.

Отказ от топологического представления пространства – принципиальная, отличительная черта новой формы его концептуализации. Одной из ее теоретико-методологических основ является синергетика, представляющая собой неклассически-детерминистическое описание процессов, происходящих в мире неравновесных систем. Исходя из основных положений синергетической теории, мы можем интерпретировать политическое пространство через призму неустойчивости, изменчивости и нелинейности. В точке бифуркации – месте разрыва старых и сборки новых связей – подвергается изменению сложившаяся иерархическая структура социальных взаимодействий, изменяются статусы социальных групп, закрепленные в пространстве, теряется идентификация акторов с определенными социальными группами, к которым они принадлежат и интересы которых отстаивают. Новая версия концептуализации политического пространства связана именно с идентификацией общества, в котором свобода является достоянием всех, и где исходным пунктом конструирования политики является множество спонтанных взаимодействий индивидов, через которые проступают и получают первичную реализацию индивидуальные интересы и тем самым – права и свободы человека.

В составе проблемного поля, возникающего в ходе исследования нового образа политического пространства, на переднем плане находятся такие общесоциальные феномены, как свобода и власть. Обновление политического пространства как концепта и как стороны реального политического процесса придает политике публичный характер, укрепляет основы демократического устройства, способствует расширению политического участия граждан, осуществлению их прав и свобод.

Понятие свободы, взятое в единстве с личностью и знанием, образует социокультурное основание власти, задавая основное направление ее исторической динамики в границах цивилизации и конечную цель, реализуемую в рамках правового государства, – обеспечение прав и свобод человека. Политическое пространство в его новой нетопологической концептуализации – динамическая система открытого типа, которая обеспечивает динамику и расширение свободы и опосредствует обусловленные этим отношения распределения и перераспределения власти между политическими агентами. Политическое пространство в новой форме функционально определено, специализировано и включает в свой состав элементы, отношения, взаимодей-

ствия, структуры, которые необходимы для реализации заданной функции в рамках социального целого (общества).

Во втором параграфе главы 1 **«Роль индивидов и индивидуальных ценностей в изменении политического пространства»** рассматривается переход от системного представления (модели) политического пространства к его историко-типологической модели. Историко-типологическое рассмотрение концепта политического пространства предусматривает положение о том, что решающие особенности его существования, строения, структуры и функций обусловлены не столько внешними, но преимущественно внутренними факторами.

Политическое пространство как особая функциональная система социального целого возникает в качестве ответа на необходимость обеспечить управление новым потенциалом социального и экономического развития – эмансипацией индивидов, рождающей поток неопределенностей, обуславливающей неравновесный характер динамики и более или менее регулярное прохождение точек бифуркации. Последствия распада устоявшихся связей пространства выражаются в переходе от одного исторического типа общественного устройства к другому. Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст выделяют две модели социальной организации, существовавшие в течение письменной истории человечества, начиная с неолитической революции: порядок ограниченного доступа и порядок открытого доступа. Там, где имеет место порядок ограниченного доступа, темп динамики невысок, фактически отсутствует экономический рост, социальная структура имеет застойный характер. В силу этого основным источником неопределенностей выступает внешняя среда – природные условия и геополитическая обстановка. Соответственно, инструментами снятия этих неопределенностей выступают материальные (природные, человеческие и военные) ресурсы и рутинизированное знание. В обществах открытого доступа, напротив, основным источником неопределенностей выступает внутренняя среда, которая представляет собой своеобразный генератор изменений в силу того, что акторы (индивиды и организации) действуют в условиях свободы – автономности, творческой инициативы, конкуренции, правовых гарантий. В этой ситуации важнейшими инструментами снятия неопределенностей выступают ресурсы нематериального вида – информационные, коммуникативные, когнитивные (социальное и научное знание) и т.п., образующие искусственную интеллектуальную структуру (актуальную культуру общества). Способом реагирования на поток неопределенностей, свойственным для порядка открытого доступа, является институциональное изменение – изменение правил, в соответствии с которыми любой индивид или организация могут добиваться легальных целей всеми доступными им средствами. Институциональные изменения приводят к своеобразному управляемому взрыву социальной энергии. Все это вместе порождает новые формы поведения индивидов, которые не контролируются сетью институтов пространства-поля, поскольку последние складывались в каче-

стве инструментов регулирования социальных взаимодействий больших масс людей, крупных социальных групп.

В результате выхода большого объема социальной энергии индивидов за рамки пространства социального вида и индивидуализации самого пространства нарастает дезорганизация социального целого, связанная с конфликтом старой институциональной инфраструктуры и действиями индивидов нового уровня. Необходимость реорганизации пространства требует расширения границ политического, появления новых институтов и организаций. Субъектами реорганизации пространства являются индивиды, которые в период распада старых и сборки новых детерминационных связей выступают автономными акторами, реализующими собственные интересы, обладающими различными потенциалами. Совокупность потенциалов индивидов реализуется в новой концептуализации политического пространства, структура которого выполняет ограничительные функции. Без ограничений деятельности индивидов вероятность потери индивидуальных потенциалов становится чрезвычайно высокой. Новый (функциональный) образ политического пространства создается индивидами, которые нацелены на определенный результат и предполагают достижение конкретной выгоды. Принимая во внимание рациональность действий индивидов в политическом пространстве, мы вполне можем сопоставить политическое пространство с политическим рынком – тогда, с учетом положений экономического подхода, становится очевидно, что индивид стремится к максимизации своей полезности как в экономическом, так и в политическом пространстве.

Существенной особенностью новой (институциональной) концептуализации политического пространства является то, что в отличие от пространства-поля, которое формируется в поле взаимодействий субъектов, отличающихся односторонней направленностью и отсутствием обратной связи, отношения, формирующие новый образ политического пространства, связаны с взаимобратной деятельностью и имеют интерактивный характер. В таком случае взаимное воздействие агентов друг на друга не является прямым, а опосредствуется интерпретацией намерений контрагента.

В третьем параграфе **«Институциональная основа политического пространства: зарождение и эволюция»** исследуется динамичный институциональный каркас политического пространства функционального вида. Изучение политического пространства не должно «замыкаться» в сфере политики и учитывать исключительно политические выборы и действия индивидов. Проводимый анализ должен включать в себя понимание влияния на политику других сфер, формирующих сферу культуры. В этой связи, методология институционального анализа дает возможность использовать экономические аргументы в исследовании политики, причем не в метафорическом смысле, а с точки зрения восстановления некоего «контура целого», к которому принадлежит мир политического, и системой которого оно является. Основой институционального анализа является трактовка индивида как исходного начала конструирования реальности. Особенность, уникальность

индивида в политическом пространстве функционального вида рассматривается не как случайность природы, а как продукт культуры. Политическое пространство конструируется деятельностью самих индивидов, однако последующие задачи и ход деятельности задаются его структурой. Несущим элементом структуры нового (функционального) образа политического пространства, его остовом являются институты, которые либо вводятся для решения соответствующих задач, либо формируются для поддержания равновесия пространства, обеспечения его динамического взаимодействия с другими системами социального целого. Институциональная структура отражает ценности, сформировавшиеся в обществе в ходе истории, а институциональные изменения характеризуются культурно-исторической обусловленностью. Носителем этих ценностей выступают неформальные нормы и правила, опосредованные поведением и действиями индивидов. По мнению Д. Норта, на основе неформальных институтов появляется иерархическая система правил – конституции, статуты, обычное право – в совокупности определяющая формальную структуру прав агентов в конкретном акте обмена. Формальные институты представляют собой совокупность политических и экономических регуляторов, в соответствии с которыми образуется иерархическая структура общества, система принятия решений и осуществляется контроль за их исполнением. В отличие от формальных правил, изменение которых может носить ситуативный и внезапный характер, неформальные нормы меняются намного сложнее и являются ключевым вектором эволюционного развития.

Соотношение с ценностью открывает динамический аспект политического пространства, предполагающий переход от порядка, основанного на властном принуждении, на отношении господства и подчинения, к порядку иного рода, возникающему на основе согласия подавляющего большинства относительно базовых ценностей. В динамичном мире политического пространства функционального вида институты создаются индивидами как реакция на различные уровни неопределенности. Действовать в условиях динамичного институционального каркаса, отвечать на появляющиеся неопределенности в современном обществе способны только свободные индивиды, обладающие автономией в выборе линии собственного поведения и действий. Статичность институтов ведет к исчезновению политики либо возникновению ее декоративной версии. Динамический характер новых институтов связан с ведущей ролью интеллектуальных структур, производящих и накапливающих новые знания, а также блокирующих попытки устаревших институтов и организаций препятствовать модернизации политического пространства как функциональной открытой системы динамического типа.

Во второй главе **«Конструирование политического пространства»** разработана матрица конструирования нового (функционального) образа политического пространства, которая отражает ценности, сформировавшиеся в обществе в ходе истории, обеспечивает культурно-историческую обусловленность институциональных изменений. На этой основе раскрывается роль

символического ресурса как фактора, обуславливающего расширенное воспроизводство политического пространства.

В первом параграфе **«Коммуникации и их влияние на конструирование политического пространства»** выявляется совокупность трех категорий – знание, коммуникация, обмен – как базовых элементов, образующих интерактивную матрицу политического пространства в рамках институциональной концептуализации. Институты образуют структуру для осуществления обмена между агентами, эффективность которой влияет на величину издержек агентов при совершении акта обмена. На «выходе» политического обмена образуется политический капитал, который переходит к агентам пространства. Однако, политический капитал не является первоначальным предметом политических обменов. Изначально каждый агент обладает определенным знанием, которое помогает ему принимать решения и делать выбор в процессе коммуникаций. Институт выступает носителем знания, звеном, которое сохраняет знание и осуществляет его передачу в организацию, где оно получает социальную основу. Причем само по себе знание не так важно для агентов как нефизический капитал, в который конвертируются ресурсы агентов при помощи знания.

Политическое пространство функционального вида представляет собой сложно организованное явление. Для его стабильного и в то же время динамичного функционирования необходимы специальные коммуникационные каналы, связывающие в единую сеть как вновь создаваемые, так и уже существующие, но модернизирующиеся институты. Устойчивость институционального мира и политических практик, передаваемых агентами пространства из поколения в поколение, требует определенных способов оправдания и объяснения, совокупным выражением которых является легитимация институтов политического пространства. Легитимация институтов осуществляется при помощи социальных знаний, составляющих субстрат институционального порядка: это совокупность правил поведения, моральных принципов и предписаний, пословицы и поговорки, ценности и верования, мифы и тому подобное. Условие возможности данного процесса – наличие каналов коммуникации, по которым знания транслируются в том или ином направлении. В политическом пространстве роль таких каналов коммуникации могут исполнять институты и организации. Они не только аккумулируют и передают знания, но и формируют также аудиторию, готовую воспринимать эти знания. Задача коммуникации состоит в том, чтобы посредством передаваемых знаний навязать индивидам определенные правила игры, с которыми они должны считаться. Категория коммуникации не тождественна понятию интеракции. Содержанием коммуникации являются не взаимные действия, а знания. Кроме того, в отличие от интеракции, предполагающей не только одностороннее, но и ответное действие, коммуникация в своем изначальном представлении предполагает однонаправленное воздействие – один индивид принуждает другого индивида подражать себе. И только (1) когда установлены необходимые институты и правила игры, которым подчиняется необхо-

димый круг агентов, и (2) когда в социальную среду интегрирована организация, осуществляющая контроль за соблюдением норм, по каналу коммуникации начинают перемещаться знания в двух направлениях – сверху вниз и снизу вверх.

Агенты создают и изменяют институты, чтобы в процессе интеракций закрепить определенный институциональный порядок, способствующий достижению их непосредственных целей. Соответственно, легитимация поддерживает динамику политического пространства. Если процесс легитимации не вносит в политическое пространство новые актуальные знания, необходимые для нивелирования возникающих неопределенностей и появления адекватных политических институтов, пространство постепенно утрачивает динамичность, становится статичным. В пространстве, где роль знания сведена к минимуму, где господствует технократизм, а обмены между агентами фиктивны и регулируются сугубо формальными институтами (вследствие подавления или официального неодобрения неформальных институтов) господствует застой. Политика выступает средством устранения препятствий для появления новых знаний. Неоднородность и нелинейность политического пространства препятствуют устоявшимся и «закоренелым» организациям деформировать процесс легитимации институтов нового порядка и способствуют освобождению культуры (общества) от устаревших и неактуальных институтов и организаций.

Во втором параграфе **«Модели власти в политическом пространстве»** представляется конструирование политического пространства функционального вида как горизонтальной модели. Изучение образов политического пространства выявляет характер коммуникаций в отношении государства – вертикальный либо горизонтальный. Вертикальная модель характеризуется первичностью государства по отношению к институтам политического пространства. В этой модели государство обладает фактической монополией на распоряжение властью и ее ресурсами, которые обращает в собственное достояние. Иными словами, государство задает политическому пространству структуру, поддерживающую его доминирование над обществом. Горизонтальная модель устанавливает приоритетность общества и конструируемых индивидами институтов перед государством. Границы власти определяются институциональным порядком, в формировании которого определяющую роль играет общество. Историко-социологическая трактовка этих моделей предполагает понимание феномена власти в двух перспективах соответственно: как «authority» – законную способность достижения целей социальной системы (функциональная роль власти) и как «power» – форму ее относительно «незаконного подобия» в условиях современности (Б. Барбер), где указанный вид власти играет по преимуществу дисфункциональную роль.

Вертикальной модели свойственен тип власти, основанный на наличии конфликта между индивидами: индивиды находятся на субъект-объектных позициях и, соответственно, субъект действует вопреки интересам объекта. В данном случае под властью понимается подавление интересов одной из сто-

рон, т.е. объект подвергается негативному воздействию. Горизонтальной модели соответствует иное смысловое пространство, в котором насилие и принуждение отходят на дальний план. Для этой модели характерны (1) коммуникативный тип власти (договорное отношение равноправных, свободных и конкурирующих акторов), (2) первоочередное значение экономических, социальных, информационных и культурных ресурсов, (3) горизонтальная организация структур и взаимодействий, (4) политические методы управления и согласительные процедуры.

Власть в консенсусном понимании выступает связующим элементом, посредником в актах обмена, реализуемых агентами в политическом пространстве. Политические обмены формируют политическое пространство, связывают его с другими пространствами и системами. Любой акт обмена требует выполнения посреднической функции. Если в экономике роль посредника играют деньги, в культурном пространстве – ценности, то в политическом пространстве функцию передачи знаний между агентами в рамках политических обменов выполняет власть. Консенсусный подход к пониманию властных воздействий в большей степени отвечает характеристикам постиндустриального общества. Осуществление власти посредством силы и конфликта адекватно условиям традиционного общества, характеризующегося иерархизацией пространства и выстраиванием вертикальных взаимодействий. В традиционном обществе, где не обеспечена автономия индивида, знание играет второстепенную роль, а системы коммуникации организованы вертикально. Напротив, в современном постиндустриальном обществе политическое пространство обеспечивает интеграцию ресурсов и знаний, дает индивидам свободы и права, благодаря чему сфера публичной политики в целом является пространством развития индивидов и фактором сохранения культурного достояния. Характер коммуникативной зависимости государства и институтов формирует соответствующий институциональный каркас, определяющий структуру политического пространства. В результате разнонаправленных интеракций индивидов в политическом пространстве осуществляется производство власти в том или ином виде – в зависимости от структуры политического пространства.

Конфликтная и консенсусная формы коммуникаций только на первый взгляд являются антиподами. Они редко существуют в чистом виде, обуславливая изменчивый характер коммуникаций, соответствующий запросам развития политического пространства. В этой связи, временная составляющая придает политике актуальность, гибкость, необходимую для сочетания конфликтных и консенсусных стратегий. Временной аспект политического пространства, вбирая в себя проявления горизонтальных и вертикальных интеракций, опосредствует «пульсацию» политики. Динамическая пульсация политики способствует обновлению власти, обуславливает ее сближение с культурой, предотвращая стагнацию в развитии общества. «Пульсирующая» политика расширяет границы властных воздействий и их потенциал, придает

власти политический (нестихийный) характер, концентрирует ее усилия на избранных, наиболее актуальных направлениях.

В третьем параграфе **«Роль символического в конструировании политического пространства»** анализируется категория символического ресурса как фактора, обуславливающего расширенное воспроизводство нового образа политического пространства в рамках институциональной трактовки.

Политическое пространство интерсубъективно и функционально, что находит выражение в институтах, создаваемых индивидами. Институциональные изменения возникают на основании нового знания и в результате необходимости справиться с неопределенностью, возникшей в политическом пространстве. Важный фактор, без учета которого успешное конструирование институтов практически невозможно, – сопротивление внедрению новых институтов со стороны индивидов, групп, других институтов или организаций. Институты должны быть оправданы и легитимированы.

Символ лежит в основе процесса конструирования социальной реальности, являясь не только фундаментальным основанием матрицы конструирования («знание – коммуникация – обмен»), но и непосредственно материалом конструирования. Символы объединяют институты в единый институциональный порядок и осуществляют интеграцию формирующихся организаций в социальную реальность. В этой связи П. Бергер и Т. Лукман говорят о символическом универсуме как системной целостности, упорядочивающей и легитимирующей институциональный порядок. Символический универсум помещает в одну систему отчета формальные и неформальные институты политического пространства, агентов, их интересы и приоритеты, тем самым делая возможным их взаимное идентичное восприятие, универсализацию каналов коммуникации. В символическом универсуме агенты интерпретируют знания в одинаковом контексте, что обеспечивает эффективность интеракций и получение ожидаемых результатов обмена.

Изменения политического пространства основаны на консолидации и принятии предшествующих и настоящих институтов, совмещении культурно-исторических аспектов развития общества и взаимообусловленности неформальных норм и правил. Принцип преемственности культурно-исторического развития предполагает рассмотрение перехода от одной системы к другой как специфического механизма, который включает в себя начало истории и эволюцию новообразования. С нашей точки зрения, такой механизм, являющийся ядром символического универсума, может быть охарактеризован как Мегамашина. Мегамашина представляет интерес, с одной стороны, как особого рода ритуал – ритуал перехода, обеспечивающий непрерывный характер цепочки поступательных перемен (знание – коммуникация – обмен), которые, в конце концов, приводят к единству старого и нового, формированию институционального порядка. С другой стороны, Мегамашина важна для нас как социальная техника, предполагающая наличие системы неформальных институтов, закрепляющей и стандартизирующей модели социального поведения и соответствующий им набор социальных ролей и ожиданий. Развитие

науки и техники, заложившее в XIX веке основу для перехода к новому этапу развития общества – социальному порядку открытого доступа, одновременно привело к несбалансированному росту богатства и силы у отдельных агентов, формированию технократических установок. Все это вместе подтолкнуло нарастающую дестабилизацию институционального порядка в обществе. Возникла потребность в постоянном обновлении факторов, упорядочивающих власть и систему институтов. В этом смысле символизация служит инструментом, конвертирующим в политическую форму процессы, происходящие в политическом пространстве. Становясь ядром Мегамашины, символизация направлена на осуществление относительно безболезненной смены моделей общественного развития, переходов от одного этапа к другому, тем самым обеспечивая социокультурную динамику власти и общества.

Символические формы, наполняющие Мегамашину и несущие в себе сложившиеся на предыдущих этапах развития неформальные институты, создают и конституируют новую реальность – инфосферу (О. Тоффлер). В инфосфере консолидируются символы, которые распространяются в политическом пространстве и обеспечивают интеграцию старых и новых знаний, институтов и организаций, а также функционирование новых коммуникационных каналов. Символизация становится средством властного подчинения индивида, однако, благодаря технологиям социального контроля, это осуществляется в форме добровольного согласия субъекта. Мегамашина контролирует поведение индивида, символически формобразуя мир его желаний посредством моды. В ее основе лежит коллективное представление об образцах и нормах поведения. Мода и соблазн – инструменты создания контролируемых желаний, которые являются проекцией Мегамашины на общество. Контролируемые желания – симулякры, за которыми ничего не стоит и которые могут быть заменены новыми образами в любое время. Становясь законодателем моды в политическом пространстве, символизация создает и стимулирует потребление тех симулякров, которые должны заполнять собой политическое пространство в переходный период Мегамашины.

Символизация поддерживает деятельность агентов, направленную на производство и продвижение определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих. Характер и направления символизации современной политики трансформационного периода в России рассматривается на примере анализа государственной кампании по реализации приоритетных национальных проектов и соотнесения ее с политическим компонентом системы государственного управления. Ключевой составляющей реализации национальных проектов становится симуляция удовлетворения социальных интересов граждан, имеющих для них наибольшую важность. В национальных проектах происходит кристаллизация накопленного ранее опыта во взаимодействии политических акторов, в результате чего символический ресурс становится консолидирующей базой для объединения социальных, экономических, политических ресурсов.

В **Заключении** диссертационной работы подводятся итоги работы, формулируются основные результаты, полученные в процессе исследования.

III. СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Положения и выводы диссертационного исследования изложены в публикациях автора, в том числе, 3 – в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ общим объемом 1,6 п.л. Общий объем публикаций – 6,6 п.л.

Публикации в реферируемых журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ:

1. Гурарий Е.М. Соотношение управленческих и политических компонентов в политическом поле реализации приоритетных национальных проектов // Социум и власть. 2010. № 3. С. 37-41. - 0,5 п. л.

2. Гурарий Е.М. Динамические аспекты развития политического пространства // Социум и власть. 2012. № 1. С. 39-43. - 0,6 п. л.

3. Гурарий Е.М. Зарождение политического пространства: от физического образа к динамической системе // Вопросы управления. 2013. № 4(6). С. 39-43. - 0,5 п. л.

Публикации в других изданиях:

4. Гурарий Е.М. Проблемы становления демократического российского государства // Проблемы становления профессиональной государственной и муниципальной службы: Материалы научной студенческой конференции. Екатеринбург: УрАГС, 2002. С. 63-66. - 0,3 п.л.

5. Гурарий Е.М. Институциональная трансформация в России в переходный период // Проблемы реформирования государственного и муниципального управления в современной России: Материалы научно-практической конференции аспирантов и студентов. Екатеринбург: УрАГС, 2005. С. 3-6. - 0,3 п.л.

6. Гурарий Е.М. Необходимость института оппозиции в России // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: материалы VII Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора З.И. Файнбурга. Том II. Пермь, 2004. С. 99-102. - 0,2 п.л.

7. Гурарий Е.М. Основные аспекты реформы системы исполнительной власти в России // Политическая культура и политические процессы в современном мире: методология, опыт эмпирического анализа. Материалы 8-й Международной конференции памяти Л.Н. Когана. Ч. II – Екатеринбург: УрГУ, 2005. С. 53-55. - 0,2 п.л.

8. Гурарий Е.М. Реформа вертикали власти в России: основные перспективы // Практическое решение государственных проблем глазами студентов: экономический, правовой, политологический аспекты. Материалы всероссийской научно-практической студенческой конференции». Екатеринбург, УрАГС, 2005. С. 25-27. - 0,2 п.л.

9. Гурарий Е.М. К вопросу о взаимодействии власти и бизнеса на региональном уровне // Политическая, административная и образовательная реформы в РФ: пути взаимовлияния. Материалы международной конференции. Екатеринбург: УрАГС, 2006. С. 21-24. - 0,2 п.л.

10. Гурарий Е.М. Тенденции построения вертикали власти в России // Власть и властные отношения в современном мире. Международная научно-практическая конференция. Екатеринбург, 2006. С. 31-33. - 0,2 п.л.

11. Гурарий Е.М. Влияние принципа формирования регионального парламента на взаимодействие власти и бизнеса на примере Свердловской области // Практическое решение государственных проблем: экономический, правовой и политологический аспекты. Материалы всероссийской научно-практической студенческой конференции. Екатеринбург, УрАГС, 2006. С. 17-20. - 0,3 п.л.

12. Гурарий Е.М. Система национальных проектов как форма реализации взаимодействия власти и бизнеса на региональном уровне // Современный этап реформирования российской системы государственной власти и местного самоуправления. Международная конференция. Екатеринбург, УрАГС, 2006. С. 10-14. - 0,2 п.л.

13. Гурарий Е.М. Борьба за символическое влияние в процессе реализации национальных проектов // Чиновник. № 2 (48). Екатеринбург, 2007. С. 16-18. - 0,3 п.л.

14. Гурарий Е.М. Структура регионального политического поля, складывающегося в процессе решения проблем социального характера // Политика, экономика, социум: стратегические приоритеты развития и механизмы взаимодействия в современной России: материалы международной конференции. Екатеринбург, УрАГС, 2008. С. 28-31. - 0,2 п.л.

15. Гурарий Е.М. Реформа социальной сферы посредством механизма реализации приоритетных национальных проектов: структура и динамика политического поля // Современные реформы в России: опыт осмысления. Сборник научных статей. УрАГС, 2009. С. 137-148. - 0,4 п.л.

16. Гурарий Е.М. Специфика политического компонента в реализации приоритетных национальных проектов // Практическое решение государственных проблем в работах студентов: экономический, правовой, управленческий, социологический и политический аспекты. Всероссийская научно-практическая студенческая конференция. Екатеринбург, УрАГС, 2009. С. 25-29. - 0,2 п.л.

17. Гурарий Е.М. Институциональное измерение политического пространства и его значение в конструировании политической реальности // Вопросы политологии и социологии. Екатеринбург, № 1 (1), 2011 г. С. 5-13. - 0,9 п.л.

18. Гурарий Е.М. Индивиды и институты как онтологические основания политического пространства // Вопросы политологии и социологии. Екатеринбург, № 2 (3), 2012 г. С. 34-43. - 0,9 п.л.

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой
степени кандидата политических наук

Гурарий Евгений Михайлович

Тема диссертационного исследования:
КОНЦЕПТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ
ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Скоробогачкий Вячеслав Васильевич

Изготовление оригинал-макета:
Гурарий Е.М.

Подписано в печать 22.03.2016 г. Формат 60x84 1/16.
Бумага для множительных аппаратов. Гарнитура «Таймс». Ризограф.
Уч.-изд. л. 1,82 Усл. п.л. 1,62 Тираж 100 экз. Заказ 215
Редакционно-издательский отдел Уральского института управления – филиала
РАНХиГС
620990, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66.